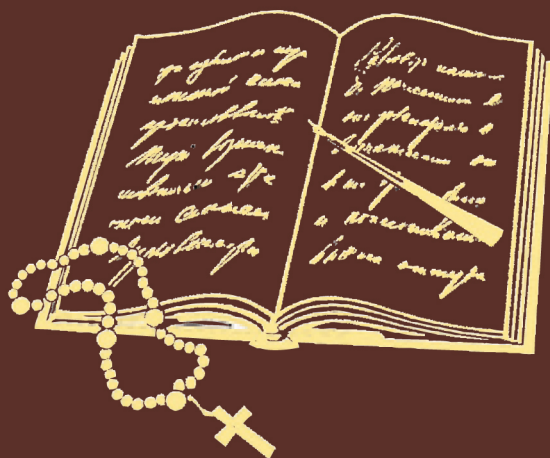

МИТРОПОЛИТ АРСЕНИЙ
(СТАДНИЦКИЙ)

ДНЕВНИК

1903–1905

УДК 271.22(470+571)

ББК 86.372

А85

*Подготовка материала осуществлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ, проект № 00-01-00209а)*

По материалам Государственного архива РФ

Главный редактор

протоиерей Владимир Воробьев

Подготовка издания и редакция:

О. Н. Ефремова, К. В. Ковырзин

Авторы предисловия:

О. Н. Ефремова, К. В. Ковырзин

**Комментарии, примечания и краткие биографические сведения о лицах,
упоминаемых в третьем томе Дневника:**

И. В. Воронцова, О. Н. Ефремова, К. В. Ковырзин, И. Н. Смолякова, Н. Ю. Сухова

Указатели

И. Н. Смолякова

Арсений (Стадницкий), митр.

А85 **Дневник: 1903—1905** / Митрополит Арсений (Стадницкий). Т. 3. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. — 464 с.: [32] с. ил., фронт. — (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви / Гл. ред.: прот. В. Воробьев).

ISBN 978-5-7429-0947-7

В продолжение многотомного издания Дневника митрополита Арсения (Стадницкого), одного из крупнейших русских иерархов первой половины XX века, охватывающего период с 1880 по 1918 год, третий том Дневника за 1903—1905 годы посвящен окончанию служения епископа Арсения в должности ректора Московской Духовной академии и викарного епископа Московской епархии и началу его служения в качестве правящего архиерея Псковской епархии. В Дневнике нашли отражение важнейшие события общественно-политической и церковной жизни в России этого времени: русско-японская война 1904—1905 годов, начавшаяся первая русская революция 1905—1907 годов, обсуждение в правящих кругах и в обществе насущных вопросов реформы церковного управления и созыва Поместного Собора. Значительное внимание автор Дневника уделял проблемам духовного образования. Дневник дает возможность читателю не только глубже познакомиться с историей Русской Православной Церкви начала XX века, но и лучше понять исторические процессы, происходившие в России в этот период в целом.

*Перепечатка документов архива целиком или отдельных фрагментов возможна
только с разрешения Государственного архива Российской Федерации.*

ISBN 978-5-7429-0947-7

© Ефремова О. Н., Ковырзин К. В., предисловие, 2015

© Воронцова И. В., Ефремова О. Н., Ковырзин К. В.,
Смолякова И. Н., Сухова Н. Ю., комментарии, 2015

© Смолякова И. Н., указатели, 2015

© Издательство Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета, 2015

Содержание

Предисловие	6
-------------------	---

Дневник

Глава I	17
Глава II	152

Приложения. Комментарии и примечания.

Справочные материалы

Приложение 1	203
Приложение 2	240

Комментарии и примечания:

Глава I	247
Глава II	371

Справочные материалы:

Список архивных источников, использованных в комментариях и примечаниях	391
Библиографический список	392
Именной указатель	413
Указатель монастырей и храмов	447
Список сокращений библиографических названий	456
Список сокращений, использованных в научно-справочном аппарате издания	457

ДНЕВНИК

1903–1905

Глава I

3-я тетрадь Конец 1903 года, 9-е ноября – 1905 год – 16-е ноября¹

л. 1а

[1903 год]

9–10-е ноября. Воскресенье — понедельник. Эти два дня проводил в 1
Москве, куда вызван был Владыкою* для служения вечерни и собеседования в Епархиальном доме*.

Утром 9-го отслужил литургию в Троицком соборе* и сказал слово о «вере спасающей» применительно к воскресному Евангелию об исцелении кровоточивой женщины*. В час времени отбыл в Москву, куда прибыл в три. На вокзале встретил меня иеромонах Петр (Зверев)*, окончивший в прошлом году Казанскую академию и состоящий ныне вроде настоятеля Епархиального дома. В четыре часа началась вечерня, при сослужении: ректора семинарии о. архимандрита Анастасия, настоятеля Высоко-Петровского монастыря о. архимандрита Серафима (Голубятникова)*, о. Петра и еще одного иеромонаха. Народу было множество: вся церковь и громадный зал полны, значит — около трех тысяч. Пел хор, кажется Воротникова*, и очень стройно, и даже церковно — со всеми стихирами, кроме «Ныне отпускаеши» — вполне оперного характера. После вечерни следовал акафист Иисусу Сладчайшему, читаемый мною и сослужащими. Затем пред отпуском было предложено мною собеседование тоже на тему евангельскую. Окончилось все это ровно в семь часов. Надо удивляться молитвенной ревности народа, в числе которого было много и интеллигенции, простаивающего столько времени в храме Божиим, вместо того чтобы предаваться каким-либо развлечениям. Нельзя не воздать глубокой благодарности Владыке, по мысли которого воздвигнут этот дом.

Отсюда я поехал на Никитскую, в дом Синодального училища*, где Синодальным хором* дан был духовный концерт, состоящий из литургийных песнопений Чайковского*. Репутация Синодального хора

¹ Описка; должно быть: 16 октября.

- уже прочно установилась. Исполнение весьма трудных композиций Чайковского было образцовое. Хотя я должен сказать свое скромное мнение, что произведения Чайковского не все удобны для церкви; слишком много в них музыкальных эффектов; они могут приковать 1 об. внимание музыканта, но не возбудить молитвенного настроения. / Но некоторые песнопения прямо поразительны по силе впечатления, производимого ими, например: Херувимская, кроме «Яко да Царя...»; «Верую во Единого...», «Тебе поем», «Святый Боже...»¹.

[1904 год]

Псков²

4-е декабря 1904 года. Больше года ничего не вносил в дневник. А сколько за это время передумано, перечувствовано! А какая перемена в моей жизни произошла! Из ректора Академии, чем я так дорожил, стал я заурядным Псковским епископом. А что за это время произошло и происходит в государственной и общественной жизни: война с японцами*, усиленные толки о реформе государственного строя — все это исторические моменты. Какой вообще богатый материал для дневника-памятки. И я ни слова. Думаю теперь продолжить ведение дневника, хотя наперед выговариваю себе неисправность. А чтобы связать прерванное, нужно бросить ретроспективный взгляд на истекший год, как он отразился в моей жизни. Разумеется, многое забыто, многое утратило характер свежести, непосредственности. Правда, у меня за этот год есть достаточный материал в письмах ко мне и моих к другим. На старости лет я, быть может, постараюсь воспользоваться ими для составления систематических записок о моей жизни. Кстати, если Бог сохранит мне жизнь, я надеюсь приступить к этой работе в шестьдесят лет, когда, по моему мнению, начинается настоящая старость, когда будешь уже не столько стремиться вперед, сколько пережевывать прошлое и осмысливать свою жизнь... А теперь в самых общих чертах, без документальных данных и притом без особой связи запишу то, что произошло со мною за истекший год, то есть со времени назначения моего на Псковскую кафедру.

- 2 5-е декабря 1904 года. Воскресенье. Сегодня ровно год, как я назначен епископом Псковским*. Назначение было для меня совершенно

¹ Далее несколько строк пустых.

² Здесь и далее подчеркнуто автором.

неожиданно, и первоначально узнал я о нем совершенно случайно. По установившейся традиции я в храмовый праздник Московской семинарии* служил там и всенощную, и литургию. И теперь служил там. Праздник прошел очень торжественно, корпорация семинарии во главе с ректором* очень радушна. 7-го декабря [1903 года], в воскресенье, я предположил служить литургию в храме [Христа] Спасителя*. Всенощную отслушал на Саввинском подворье, у преосвященного Парфения*, а затем в девять часов уехал в Чудов* на ночлег. Тут еще был новоназначенный епископом Аляскинским архимандрит Иннокентий (Пустынский)*, бывший наместником Чудова монастыря. Теперь он ожидал из Петербурга известия о дне его хиротонии. Оставивши свои вещи в архиерейских покоях, я отправился в его квартиру, в которой по случаю сборов его царил полный беспорядок, а сам о. Иннокентий все суетился, укладываясь. Тут же был и казначей, мой ученик последнего выпуска, о. Арсений (Жадановский)*. Как раз в это время келейник о. Иннокентия принес запечатый почтовый ящик.

Вынув оттуда корреспонденцию для братии, [о. Иннокентий] отложил письма три или четыре на свое имя; причем, взглянув на одно письмо, он сказал: «А! Это от моего патрона, преосвященного Тихона Американского*, заседающего в Синоде; он, по всей вероятности, извещает меня о дне хиротонии; распечатайте и прочтите, — там секретов нет, — а я займусь другим делом».

Я отказывался; он повторил настойчиво свою просьбу; тогда я распечатал это письмо и стал читать вслух. Преосвященный извещал, что день хиротонии назначен на 14-е декабря, а затем сообщал последние новости: «Епископ Псковский Сергей переводится в Ярославль архиепископом*, на место его ректор Московской академии епископ Арсений, а ректором / Академии инспектор архимандрит Евдоким* с 2 об. возведением его в сан епископа». При этом, дойдя до известий о себе, я остановился. Отец Иннокентий спросил о причине остановки чтения. Я в волнении ответил: «Ведь далее касается меня».

Так-то я узнал о своем назначении. Нечего и говорить, как меня взволновало это неожиданное известие. Псковской епархии я совершенно не знал. Она мне казалась слишком мизерною, серою. Мне было обидно, что я столько времени послужил ректором Академии и меня в такую епархию; обидно было мне сильно на моего Московского владыку, что он предварительно не известил меня о предполагаемом переводе и вообще не позаботился о мне — своем викарии, который верою и правдою служил ему, неся на своих плечах бремя академического управления, без всякого с его стороны содействия. Словом, я был в крайне возбужденном состоянии; о. Иннокентий всячески

успокаивал меня, и мы в дружеской беседе провели с ним до двух часов ночи. Затем я отправился к себе, прочитал правило и, в общем, и часу не спал — так нервы разгулялись.

На другой день, в воскресенье, я, как и предполагал, служил в храме [Христа] Спасителя, там, где я был хиротонисан. О моем назначении никто не знал.

Только во время Великого входа я сказал приехавшему со мною студенту IV курса о. диакону Алексию (Симанскому)*:

— Помолитесь об епископе Псковском.

— А разве он умер? — ответил он.

— Обо мне помолитесь.

Он понял, и слезы блеснули на его глазах. Служба в прекрасном храме, где я почти пять лет [назад] был хиротонисан, при чудном пении хора и вообще при великолепии всей обстановки, умягчила мое сердце, и скорбь разлуки с Москвою стала острее. Я готов был плакать. В таком настроении я поехал к живущим против храма [Христа] Спасителя (Волхонка, дом Тимофеева, № 28) моим друзьям — Камаровским*. Как всегда, встретили они меня с восторженною радостью, ничего не зная о моем переводе. Как только я им сообщил об этом, они все — в слезы. Не мог удержаться и я от потока слез. Посидел у них с час времени, несколько успокоился и отправился к себе — в Чудов. Тут застал / академического эконома о. Иринарха*, присланного отцом инспектором с распечатанными (по уговору) телеграммами митрополита и Саблера с «сердечным» поздравлением по поводу нового назначения*. В три часа дня я поехал с о. Алексием в Покровский монастырь* без всякой определенной цели. Погода стояла зимняя, но довольно мягкая. Тут долго мы бродили по чудному кладбищу. Конечно, темой разговора был предстоящий уход во Псков. Псков — в некотором роде родина его, в Псковской губернии — гнездо их фамилии. Здесь¹ он часто бывал; бывал и у моего предшественника преосвященного Сергия. Он очень расхваливал Псков, удобства для жизни архиерея тут. Но ему больно было, что он [будет] оканчивать курс без меня и не воспримет от меня благодати священства, чего он так сильно желал, как мой постриженник. Я успокоил его, [обещая], что обращусь с просьбою к митрополиту, чтобы он до моего выезда разрешил мне посвятить его. Тут же в монастыре зашли мы к бывшему настоятелю Георгиевского в Крыму монастыря, где я проводил минувшее лето, о. Феодосию, которого при мне, вследствие необузданной вспыльчивости, лишил настоятельства преосвященный Николай*. Занимает он здесь хорошенькую келью,

¹ Имеется в виду Псков.

служит в качестве рядового монаха, получает очень порядочную кружку — до шестидесяти рублей в месяц, и вообще доволен своим положением, так что отказался от моего предложения ехать со мною в Псков. Вечером я выехал в свой любимый Посад. Приехал в десять вечера. Пришел ко мне отец инспектор не то с поздравлением, не то с утешением. Посидели мы до двух часов ночи. О многом-многом беседовали. Он казался очень огорченным разлукою предстоящей, хотя я этому в душе не особенно верил. Ночью почти не сомкнул глаз. На другой день отпевал архиерея лаврского Димитриана*, внезапно скончавшегося в бытность мою в Москве. В связи с общим моим настроением разлука с Димитрианом была очень тяжела для меня. Он был очень хороший архиерей: представительный, с голосом приятным, с особою интонациею в голосе, особенно при чтении Евангелия (школы Никаноровской), благоговейный. Все время, с самого начала моего архиерейства, он служил со мною. Он же в качестве архиерея моего ездил со мною в Палестину в 1900 году, / поражая 3 об. своим голосом и фигурою щедедушных греков и арабов. Вспоминается, между прочим, как Трипольский митрополит Григорий*, услышав многолетие, произнесенное Димитрианом, и пораженный громадою его голоса и фигурою, именем «Димитриан» обозначал все громадное и громоздкое. Видит он, например, громадного верблюда или другое животное и говорит: «Д и м и т р и а н».

Слух о моем переводе быстро распространился. Профессора, студенты, монахи и посторонние приходили поздравлять, прощаться. В общем, находили такое назначение низким для меня — ведь меня все назначали в Ярославль. Мне, в сущности, было безразлично место назначения, мне жаль было расставаться с Академиею, Лаврою и Посадам, хотя в последнее время и были у меня неприятности в Академии, с чем даже связывали мой перевод. Но это совершенный вздор, как впоследствии с достоверностию выяснилось. Неприятность же была следующая¹.

1905 год

13

1—15-е января. Эти две недели чреваты великими историческими событиями во внутренней жизни нашей дорогой родины. Нельзя не отметить их себе на память, хотя они, несомненно, памятными останутся на всю жизнь. По порядку.

¹ Далее л. 4—12 об. пустые.

Праздники проводил я не по-праздничному, то есть не в подобающем настроении. Да и мудрено теперь кому бы то ни было, ввиду тяжелых испытаний — внешних и внутренних — чувствовать себя иначе. Звезда рождественского праздника омрачилась падением Порт-Артура и пленением целой русской армии*. Правда, все ожидали, что крепость рано или поздно падет, если не последует выручки, что и для героев есть невозможное; но тем не менее, когда страшное ожидание осуществилось, всех повергло в крайнее уныние. «Всех» — разумею только любящих родину; а теперь много есть отщепенцев, для которых чем хуже, тем лучше, — они-то и радуются этому общерусскому горю. К этой общероссийской скорби присоединилась еще местная, вследствие скрытого недовольства семинаристов, а чем? — Бог их знает, — выразившегося в том, что кем-то под 6-е декабря брошен был адский снаряд в окно ректорской квартиры, и если не разорвался, то исключительно по милости Божией и молитвам святителя Николая.

Праздниками у меня гостили студенты Петербургской академии А. М. Черноуцан (II курса), мой племянник, и В. Д. Щеглов (I курса), сын преподавателя Кишиневского женского епархиального училища; правовед, пятнадцатилетний юноша, мой племянник, сын брата Михаила, старшего военного врача в Ярославле, и несколько дней А. И. Яцимирский*. Своим присутствием, жизнерадостностью, свойственной молодому возрасту, скрашивали они несколько тяжелое настроение мое.

- 13 об. 24-го декабря я впервые, после месячного сидения дома, выехал для служения в соборе. С 23-го ноября я заболел инфлюэнцей¹ и пролежал до 21-го декабря. В первый раз я испытал, что это за скверная болезнь... Всенощную под Рождество, а на другой день литургию с молебном служил в соборе*. Народу простого и среднего класса было множество, а так называемой чиновной интеллигенции очень мало. В день Рождества² был только губернатор*. Пред молебном я сказал поучение о двояком значении для нас праздника Рождества — христианском и государственном. Затем в конце речи, пригласив помолиться об убиенных в 1812 году, я пригласил вознести молитвы и об убиенных в нынешнюю войну, а особенно под Порт-Артуром. В двенадцать часов дня приветствовали меня в квартире губернатор и власти, а затем — духовенство и учебные заведения. Тотчас я отплатил визитом губернатору, а больше — никому, откупившись от них ста пятидесятью рублями, данными на разные учреждения. Затем все время проводил в кругу моих молодых гостей.

¹ Грипп (от *итал.* influenza di fredo — влияние холода).

² Газетную вырезку «Творческое слово» за 24.12.1904 г. см. Приложение 1. Л. 14.

Под новый год служил в соборе, причем всеношная началась в половине девятого и как раз к двенадцати закончилась, а затем отслужен был новогодний молебен, предваренный моею речью на тему «Пресельник и пришлец есмь у Тебе, Господи, якоже и отцы наши»¹. Народу собор был битком набит. Опять «высших» чинов не было. На другой день, на Новый год, служил в соборе. Был губернатор и несколько «чинов», хотя, я знаю, губернатор посылал повестку, — о чем он мне говорил раньше, — но все-таки их мало было, что вышло как бы демонстрацией против губернатора, который не пользуется авторитетом. Пред молебном я опять сказал речь по поводу настоящих тяжелых событий и о том, что врачевание должно исходить от нашего обновления, чего я всем и пожелал в наступающем² / году. В половине второго, по существующему здесь обычаю, поехал я в зал Дворянского собрания, где было собрано «общество», для взаимного приветствия. И подумал я: «Почему бы этого не делать в храме Божиим?..» Приехал домой и трапезовал со своими юнцами. Вечером, накануне памяти преподобного Серафима*, служил всеношную в Серафимовском храме под собором*, а на другой день — литургию в соборе. В четыре часа была, по обыкновению, вечерня с акафистом, теперь преподобному Серафиму, после чего я, тоже по обыкновению, говорил проповедь о значении святых, а особенно преподобного Серафима. Народу, тоже по обыкновению, масса.

3-го числа был на елке в женском училище*, устроенной на мои средства для оставшихся учениц шестого класса. Посторонних никого не было. 5-го и 6-го служил в соборе и исходил на иордань — [реку] Великую, с крестным ходом при участии оставшихся войск.

Крестный ход 6-го числа в Петербурге был омрачен «несчастливым случаем», происшедшим при производстве установленного салюта в момент погружения креста в воду, а именно: одним из орудий, расположенных близ биржи батарей, был произведен вместо холостого выстрел картечью. Пули попали в помост у иордани и на набережную, а также в фасад Зимнего дворца, в четырех окнах которого ими разбиты стекла. Ранен, как пишут, один нижний чин Санкт-Петербургской городской полиции. Других несчастий с людьми, насколько это верно, не было. Таков факт! Страшно и подумать, какими ужасными последствиями могла окончиться эта «роковая» случайность. И Царь, и митрополит* — все были на волосок от смерти. Воистину адский замысел. Назначенное следствие, как видно из газет, прознало здесь небрежность тех, которые после учения, бывшего 4-го января, должны

¹ «Странник и пришлец есть у Тебя, Господи, как и отцы наши» (*церк.-слав.*; ср.: Пс. 38, 13).

² Далее л. 14–15 — газетные вырезки, см. Приложение 1.

были «пробанить» орудие*, но не сделали этого. Но тогда откуда же такой правильный прицел?.. Да! Милостив еще к нам Господь. Но это только начало бедам.

- 16 об. В ночь на 9-е января по телеграфу вытребованы были / из Пскова пять батальонов войска в Петербург. Значит, что-нибудь предвидится, говорили псковичи. И действительно, день 9-го января будет в истории русской кровавым днем*. Толпы забастовавших рабочих в несколько тысяч человек с женами и детьми, с крестным ходом во главе со священником пересыльной тюрьмы Г. Гапоном¹* направились к Зимнему дворцу, к Государю, для выяснения своих нужд. После нескольких предостережений возвратиться вспять войсками дано было несколько залпов, и полилась кровь виноватых и невинных. По правительственному сообщению, убито 96 человек, ранено 333; но, конечно, их было гораздо больше. Некоторые подробности этой ужасной трагедии есть у меня в двух письмах — студента Щеглова и очевидца А. И. Лотоцкого*. Последний пишет, что по гроб не забудет того, свидетелем чего он был. Петербург буквально представлял поле битвы. Очевидцы рассказывают, что это было нечто ужасное. Мало-помалу, как пишут, порядок восстанавливается. Градоначальник Фулон* уволен, хотя неизвестно за что: за нераспорядительность или за то, что допустил такие манифестации. Но что же он мог поделать?! Нужно же быть кому-нибудь виноватым. Учреждено генерал-губернаторство в Петербурге, и генерал-губернатором назначен бывший обер-полицмейстер Москвы Трепов*, на которого недавно, уже после Нового года, пред выездом в Петербург для следования на театр военных действий, было покушение, совершенное каким-то студентом, выстрелившим почти в упор отравленными пулями три раза*. Это отмщение за 6-е декабря, когда в Москве также происходили подобные манифестации главным образом студентов, из которых многие при этом пострадали*. Такое возвышение — слишком поразительное и непопулярное. Но дай Бог, чтобы он умирил волнуемое море людских страстей и сам остался живым. Увидим, но, несомненно, точатся против него стрелы врагии.

- 17 13-го числа получил из г. Острова телеграмму от благочинного протоиерея Панкова*: «Студенты просят отслужить панихиду по убиенным 9-го января. Можно ли?» Конечно, я ничего не ответил и удивился легкомыслию и ехидству протоиерейскому. Разве не мог он сам рассудить, что это — демонстративная панихида!

14-го числа был у губернатора. Тревожен и критикует. Говорит, что не имеет никаких руководственных указаний от своего министерства,

¹ Газетную вырезку «О. Георгий Гапон» см. Приложение 1. Л. 15.

как будто его не существует. Предоставляется, очевидно, каждому администратору поступать по собственному усмотрению, каковое, к сожалению, у многих отсутствует. Передавал как слух, будто демонстранты, помимо всего прочего, предполагали напасть на здания иностранных представителей, разгромить их и этим вызвать оккупацию, как это было в Китае в 1900 году*. Говорил, что по городу расклеены были прокламации, призывающие бить студентов, как виновников смут и обманщиков, но что появление этих прокламаций приписывается полицейской и жандармской властям. Говорил, что хотя в Пскове ничего особенного не предвидится, но на всякий случай сделано примерное расположение войск, если бы это нужно было.

16–24-е января. Все слухи и слухи, часто с фантастическими оттенками, именуемыми сплетнями. А что пишут за границей — волосы дыбом встают. Директор кадетского корпуса В. А. Шильдер* (бывший кандидат в министры народного просвещения в прошлом году) прислал мне вырезки из газет «*Berliner Tagblatt*»* и «*Freie Presse*»*. Событие 9-го января прямо называется революцией; и если она теперь не удалась вполне, то это только репетиция. Ошибку-де рабочие сделали ту, что вышли без оружия, а в другой раз умнее будут.

В газетах обвиняют духовенство, и в частности митрополита Антония, что оно ничего не предприняло для предупреждения беспорядков 9-го января*. Митрополит отвечал. И на это критика в «Петербургских ведомостях»*.

Святополк-Мирский* уволен; на его место назначен А. Г. Булыгин*, недавно назначенный членом Государственного совета, из помощников московского генерал-губернатора*. Я знаю его. Уравновешенный человек. / Барин в полном смысле слова. Церковный, всегда бывал в Лавре на религиозных празднествах. Я не думаю, чтобы он был человек с инициативой. Да, быть может, этого теперь и не требуется; быть может, такой человек теперь нужен, пусть все перебродит. Рассказывают, что, когда Государь объявил ему о предполагаемом назначении, он будто бы сказал: «Ваше Величество! Из всех Ваших подданных я менее всего способен к занятию этой должности». Тогда Государь будто бы уединил его в отдельную комнату и дал час времени на размышление. Когда же и после этого он остался при прежнем своем решении, тогда Государь сказал, что он приказывает. Так состоялось назначение Булыгина на министерский пост, ныне самый трудный и ответственный.

Ректор семинарии архимандрит Борис* подал прошение об увольнении от ректорской должности и вообще от духовно-учебной службы на время болезни, и с перечислением на епархиальную [службу]. К этому он вынужден был мною; хотя он действительно болезненный. Я уви-

дел, что он слишком жидок для ректорства. Кроме того, меня тяготил факт «коленопреклонения» учеников, допущенный им, последствием чего и был адский снаряд, брошенный в окно с 5-го на 6-е декабря. Я никак не мог примириться с такой нетактичностью. Да я и не мог ручаться, что это не повторится уже с худшими последствиями. Тогда я страдал бы всю жизнь, что не предупредил несчастья, тем более что он близок мне. Будь это с другим ректором, который для меня безразличен, — тогда другое дело. Я послал в Синод представление об увольнении ректора с ходатайством о назначении нового, так как кандидата своего не имею. Теперь я убедился, как плохо представлять своих кандидатов. Ректор и инспектор* — мои кандидаты, — я прямо из-за них измаялся. Мне их жаль, входишь во все мелочи семинарской жизни, так что как бы сам ректор семинарии.

18 20-го января, в четверг, отпевал безвременно скончавшегося молодого миссионера моей епархии священника Боголюбова*, оставившего жену с младенцем во чреве и шестерых малюток*. Очень дельный миссионер и примерный батюшка. Жаль мне его, и положительно некем заменить. Я почтил его речью.

22-го января, в субботу, исполнилось мне сорок три года. Седина усиленно начинает пробиваться, особенно в бороде. К старости идет.

23-го января, в воскресенье, служил в соборе, а затем в четыре часа — акафист Всеволоду-Гавриилу*. Обычного слова не говорил, так как чувствую боль в горле и хрипоту. В два часа посетил две церкви — Паромо-Успенскую и Богоявленскую*, где бывает чтение акафистов и ведутся собеседования очередным священником. В обоих местах говорил поучения. По окончании акафиста в соборе, в половине седьмого вечера, ездил в семинарию на вечерние занятия учеников. Был в пятом и четвертом классах, где беседовал с ними об идеальной настроенности, как ее достигнуть и в чем она должна проявляться. Инспекция свидетельствует о мирном настроении воспитанников. В восемь вечера поехал к директору кадетского корпуса Шильдеру, в семье которого провел время до половины десятого. И так целый день в бегах.

26-е января. Среда. После еженедельного вечернего акафиста в моей домово́й церкви* заходил ко мне прощаться бывший ректор архимандрит Борис*. Его и инспектора семинарии о. Алексия угощал вечернею трапезою. Не знаю, понял ли ректор, что дальнейшее пребывание его в семинарии невозможно, и, главное, потому, что он — мой ставленник, к которому я хорошо отношусь. Вследствие этого мое и его положение трудно. Я благословил его иконой преподобного Никандра*. Прощание наше было мирно. Он уезжает завтра, в восемь утра, в Москву, где предполагает полечиться, а затем — в Харьковский Святогорский монастырь.

27-е января. Четверг. Оттепель. Горло побаливает. Ездил в десять часов осматривать устроенный по моей инициативе на средства епархии при Ильинской общине лазарет* для больных и раненых воинов на десять кроватей. Все устроено вполне целесообразно. / Оттуда 18 об. в одиннадцать часов заехал в консисторию. Оказалось, все члены в сборе, а то прежде являлись когда кому угодно. В беседе о текущих делах провел там время до двенадцати часов. Беседа главным образом касалась упорядочения крестных ходов, какой вопрос стоит теперь на очереди. С двенадцати был прием просителей. Ныне обратила на себя внимание своим положением молодая, лет тридцати, матушка Сперанская. Муж ее, священник починка Болчино, Порховского уезда*, недавно отсидел год в психиатрическом отделении, куда его привело страшное пьянство. Теперь опять начал запивать и бьет ее, подозревая в сношениях с одним из учителей. Числа 10-го января чуть было не задушил ее, только дети — два мальчика-близнеца, обучающиеся в порховском училище, спасли ее. Теперь она ушла от него к своей матери, живущей здесь, в Пскове. Она к нему не желает возвращаться; хочет учиться где-то на акушерских курсах, кажется в Минске. Но муж не выдает отдельного вида и согласия на это. Жаль мне ее, и не знаю, как помочь. Я посоветовал ей взять от благочинного удостоверение своей личности, что, может быть, достаточно будет для принятия ее на курсы.

Вечером в семь часов посетил женское епархиальное училище и беседовал в третьем классе с ученицами в присутствии начальницы и классной дамы*. Класс этот, по заявлению начальницы, самый лучший во всем училище. И действительно, дети очень милые, ласковые и для своего возраста очень развитые. Затем зашел в квартиру начальницы посетить ее мать, почтенную старушку Е. Б. Зубову*; тут пробыл с час, а затем в девять прибыл домой.

28-е января. Четверг. Приближается семинарский праздник 30-го января*, к которому услужливая сплетня приплетает всякого рода страхи, вроде семинарского бунта, так что у некоторых высказывалось опасение, как бы и меня там не оскорбили. Правду говоря, ввиду всякого рода не порядков в семинарии, не хотелось мне там служить в храмовый праздник, а вовсе не из-за боязни; и поэтому / еще Рождеством 19 я задумал на это время уехать в Торопец и Великие Луки. Но, с одной стороны, малое недомогание, а с другой, как бы не подумали, что я действительно опасаюсь чего-нибудь, я решил служить в семинарии — всенощную и литургию. А что действительно у страха глаза велики, особенно в захолустьях, вот пример. Был у меня сегодня настоятель Торопецкого монастыря иеромонах Иона*, по своим делам.

Между прочим в разговоре он спрашивает меня:

— А в воскресенье вы, конечно, служите в соборе?

Я в свою очередь спрашиваю:

— Почему вы так думаете, ведь в семинарии храмовый праздник?

— Да! — таинственно говорит он. — Разное болтают. Ведь они-то, теперешние семинаристы, простите, прямо разбойники. Ведь вот 2-го ноября в запрошлом годе дали ему, покойному преосвященному Сергию, два тумака в бок. Да, да! Истинно говорю, что так. Уж я это доподлинно знаю.

Видя такую уверенность его в этой несомненной лжи, я, считая совершенно напрасным разубеждать его, продолжил в его же тоне:

— Верно-верно, — говорю, — и эти тумаки были причиною его преждевременной кончины. — Этим я привел его в тупик, и он конфузливо стал разубеждать меня в моих словах. Я же ему сказал: — Наши известия одинаковы. Почему же вы не допускаете правды моих слов? — Потом посоветовал ему не слушать сплетен.

30-е [января], воскресенье. Служил в семинарии*. Порядок был хороший. По болезни горла в церкви не поучал, а поручил это заранее инспектору семинарии о. Алексею*; ходил в столовую и здесь сказал им приветственную речь. Отсюда заходил на чашку чаю к инспектору, где были все преподаватели. Вскоре и уехал.

Получил письмо от студента Петербургской академии, где он описывает настроение Академии. Грустное впечатление производит*. Я ему ответил в том смысле, что с его убеждениями не согласен, а согласен в том, что с такими убеждениями в Академии нельзя быть. Но пусть подумает, эти взгляды — действительно ли убеждения или навеяны извне. Сегодня же получил письмо от ректора Московской академии епископа Евдокима*, лживо-гнусное письмо. Здесь он, между прочим, якобы во имя любви ко мне (все — ложь) сообщает мне о тех / сплетнях, какие у них ходят относительно семинарских дел, причем причиною всего этого считают меня, который из начальства сделал «лакеев» и тому подобные гадости. Сперва я думал ответить ему письмом и настоящим образом обругать его, как собирателя сплетен. Но затем решил ответить такою телеграммою: «Милости просим (в ответ на намерение ко мне приехать), фотографии — возмутительная ложь (в ответ, что он только фотографически передает). Приезжайте, убедитесь». Вот человек — любитель сплетен — и теперь не оставляет меня в покое.

19 об.

2-е февраля. Вчера служил всенощную, сегодня — литургию в соборе, а вечером в домовй церкви — акафист, хотя с трудом, по болезни горла.

Получил опять письмо от студента Щеглова о настроении в Академии и общественном*. Поговаривают о настоящей правовой революции. Слышал сегодня, что 19-го февраля предполагается что-то крайне серьезное. А тут я предполагаю съездить в Петербург между 14—18 февраля, но ввиду всякого рода тревожных толков не решил еще. В печати, особенно в «Новом времени», толкуют о Земском соборе*. На войне — затишье после неудачного штурма на Сандепу*, где легло тысяч десять. Это послужило причиною размолвки между Куропаткиным и командующим 2-й армией Гриппенбергом*, который едет теперь в Петербург. Еще этого не доставало, чтобы наши между собою передрались. Грустно. Против Земского собора «Московские ведомости»*. Только что прочитал статью некоего Павлова*, который между прочим пишет: «Газеты рассуждают о Земском соборе. Писать *теперь*¹ о Земском соборе — значит начать дописывать последнюю страницу истории государства Российского. Теперь нашему отечеству нужны действия правительства, благополучное окончание войны и немедленная реформа *местных управлений*, в целях устройства порядка и развития самостоятельности населения в сословных учреждениях. С проведением в жизнь этой *главной* реформы и окончанием войны можно писать о Земском соборе и о чем угодно» (1905 г. 2 февраля).

4-е февраля, пятница. Смута в России все более и более растет. 20 Страшно тяжело чувствуется. Только и читаешь о бунтах и забастовках рабочих, учащихся. Уже и средние школы начинают забастовки. Слышал, что в Пскове забастовало землемерное училище, а также скоро забастуют гимназия и реальное училище, а там, пожалуй, и семинария. Сегодня, в десять вечера, губернатором прислана была мне подлинная циркулярная телеграмма Российского агентства: «Сегодня в начале четвертого часа в Кремле у Никольских ворот убит Великий князь Сергей Александрович бомбою, брошенною в экипаж. Тело Великого князя разорвало на части. Кучер от раны вскоре умер. Убийца был в поддевке. Пока задержано трое»*. Известие само за себя говорит: Москва, Кремль, Великий князь и т. д. Боже, Боже! Остается молиться и плакать.

6-е февраля. Воскресенье. Совершил в соборе после литургии торжественную панихиду по убиенном Великом князе Сергии Александровиче. Присутствовали губернатор и некоторые власти, кроме земцев. Народу полон собор. Как грустно было поминать вечной памятью того, которого так хорошо знал, который не раз удостоивал аудиенции, расположением которого, смею сказать, пользовался, доказательством

¹ Здесь и далее в цитате курсив — «Московских ведомостей».

чего служит, между прочим, большой портрет в рамке, присланный им мне в ноябре прошлого года. Кстати: присланный портрет поместил я в зале на стене, а под ним, без всякой преднамеренной цели, собственноручный портрет Плеве*, который он дал мне в память первого посещения Лавры и Академии, тотчас, по вступлении на министерский пост. Кто мог думать, что их постигнет одинаковая участь?

В четыре вечера читал акафист Спасителю и поучал народ о «квасе фарисейском»* — об осуждении и клевете. Народу масса. Теперь у меня гостит с женою молодой граф Сережа Камаровский*, земский начальник в Гродненской губернии. Там пока спокойно в селах, но в городах большие безобразия анархического характера.

20 об. Получил известие, что завтра забастуют в Пскове средние учебные заведения — гимназия, учительская семинария, / а землемерное училище уже раньше обрекло себя на ничегонеделание до 1-го сентября. Опасаемся, что и семинарию привлекут.

7-е февраля. Понедельник. Был утром у меня инспектор семинарии, он же и исполняющий должность ректора, иеромонах Алексей и доложил, что в семинарии беспокойно, собираются подписи за забастовку и что [семинаристы] могут учинить какой-нибудь скандал и примкнуть к процессии учащихся, которая предполагается сегодня вечером. Я предложил ему созвать Правление семинарии и обсудить, что делать, а вместе с тем посоветовал съездить к губернатору и попросить его в случае крайней необходимости, например какого-нибудь разгрома, полицейской помощи.

В три часа дня посетил меня губернатор в возбужденном состоянии. Он передавал, что ночью целые толпы учащихся — гимназистов и студентов — фланировали по городу с пением революционных песен, а полиция сопровождала их, следя только за тем, чтобы не было каких-нибудь дебоширств. Конечно, глупейшее положение полиции! Передавал также, что забастовали светские средние учебные заведения и с утра фланируют по улицам с красными флагами, передавая друг другу, и с пением революционных песен. Подходили к женской гимназии, требуя забастовки гимназисток. Тут полиция разогнала их; у одного бывшего студента Закса отняли револьвер и финский кинжал после сильной борьбы, во время которой он был ранен и свезен в больницу. Губернатор передавал, что в семь часов ожидается грандиозная манифестация учащихся, а также что прибыл помощник попечителя Петербургского учебного округа В. Латышев* для беседы с родителями учащихся.

В семь часов действительно происходили манифестации учащихся. Народ простой крайне возмущен таким их поведением и поэтому рас-

правлялся с ними по своему разумению, так что, говорят, много есть избитых, а возбужденная молва гласит, что есть и убитые, но это, как достоверно известно, ложь. Семинаристы не принимали участия, а только с¹ окон глазели на это позорище.

8-е февраля. Вторник. Все идут забастовки, как протест про- 21
тив современного «государственного режима». Забастовывают и железные дороги, так что теперь между Москвой и Киевом нет ни пассажирского, ни товарного движения. Разбрасывается по городу масса возмутительных прокламаций, между прочим от священника Гапона*. Но мне кажется, что они своим цинизмом достигнут противоположной цели.

Сегодня в четыре часа предполагалась опять демонстрация всех учащихся. Среди семинаристов замечалась особая нервозность: множество их высыпало в сады пред семинарией, выглядывало из-за решеток, ожидая демонстрации учащихся, чтобы пристать к ним. Но этой демонстрации не допустили, и семинаристы несколько успокоились.

На войне все тихо, то есть ничего утешительного. А тут еще раздоры и несогласия между самими начальствующими. Гриппенберг, командующий 2-й армией, проигравший битву при Шахе* с потерей десяти тысяч человек, свалил вину на Куропаткина, якобы тот не дал ему подкрепления. Теперь он в Петербурге, уехал с войны и даже не простился с Куропаткиным.

В Феодосию прибыли герои порт-артурские во главе со Стесселем* и его женою.

9-е [февраля]. Среда. Посетил меня помощник попечителя В. А. Латышев, приехавший по поводу забастовок. Он сказал, что ему удалось восстановить порядок учебных занятий, кроме землемерного училища, неподведомственного ему. Говорил, что он только отчасти нашел помощь в родителях, которые, в сущности, во многом виноваты. Но мне кажется, что это умиротворение учащихся непрочное. Не пришлось бы вторично приезжать Латышеву. В семинарии все еще брожение. Собираются подписи для забастовок. Положительно отказались от забастовки шестой и четвертый классы. Вызывал я к себе депутатов остальных классов. Серьезных мотивов просьбы своей отложить занятия до 2-й недели поста они не могли представить. Главный мотив, что они боятся, как бы их не поколотила полиция, народ (?!). Я ответил, пусть дома сидят. Притом же, если на улице будут себя мирно вести, то никто не обидит. / Затем я сказал, что ни за что не отпущу преждевременно, а в 21 об.

¹ Из (южн., малороссийск. говор).

случае каких-либо безобразий все, кроме воспитанников двух классов, будут уволены. В таком же смысле составлено и журнальное постановление.

10-е февраля. Четверг. Был в семинарии на уроках. По заявлению начальства, настроение умиротворилось. Можно надеяться, что жизнь семинарии не будет нарушена какими-нибудь беспорядками.

Сегодня с шести до десяти вечера совершал всенощное в соборе по случаю памяти завтра святого князя Всеволода-Гавриила.

Сегодня погребение мученика Великого князя. Государь не присутствует, также мало Великих князей, из которых только Павел Александрович* и Константин Константинович*.

11–16-е февраля. Пятница — среда. Всё бастуют и бастуют. Многие железные дороги стоят. В Баку настоящая резня между мусульманами и армянами*. Человек триста убитых и раненых. Выехали туда их духовные власти для умиротворения. Университеты и другие высшие учебные заведения закрыты до 1-го сентября*. Бастуют и средние учебные заведения, например в Курске, и даже низшие — в Варшаве и вообще в Польском крае, под влиянием Комитета «национализации школ»*. В семинарии предполагалась забастовка на 15-е число, но семинаристы упустили момент, и между ними нет единодушия, так что обойдется, кажется, без забастовки. Прокламации по городу разбрасываются щедрою рукою. Вот, например, под руками у меня теперь прокламация от Российской социал-демократической партии*. В ней искажены действия полиции при демонстрациях учащихся 7-го февраля. Сплошная ложь! Полиция именно защищала молодежь от разъяренной толпы, которая слишком [была] возмущена безобразным поведением молодежи, и, несомненно, последовало бы избиение младенцев, если бы не полиция. Был у меня полицмейстер* и с прискорбием рассказывал о ложном положении полиции, которая, вопреки закону, должна как бы охранять и покровительствовать разным незаконным сборищам. Он же говорил, что идут недобрые слухи относительно предстоящего 19-го февраля.

22

Из Москвы доходят трогательные рассказы о величии духа Великой княгини, шедшей за гробом убитого с Великим князем кучера, и о знаках внимания к памяти его и горю семьи, а также о посещении ею в тюрьме убийцы и беседе ее с ним*. Это поистине «светлый луч» среди окружающей тьмы. Так назвали этот факт «Петербургские ведомости».

О Московской академии получены сведения, что и там забастовка студентов*. Конечно, это крайне грустно. А где же любовь нынешнего ректора епископа Евдокима? Как же он не мог удержать их своею

любовью от этого стадного, неразумного поступка. Если бы при мне это случилось, то он же первый приписал бы это моему режиму. Ведь какое бесстыдное письмо написал он мне относительно моей семинарии! Теперь нечего ему инсинуировать — пусть смотрит у себя под носом. Да! Много в нем неразумия и непорядочности! Да простит ему Господь «умственные и нравственные» пробелы.

Военные вести неутешительны: Куропаткина обходят японцы; следствием будет или поражение, или отступление за Мукден к Телину. Многие начинают разочаровываться в талантливости Куропаткина. Сегодня прибыл в Петербург герой Порт-Артура Стессель с супругою. Была встреча, но далеко не помпезная, как, например, помнится, встречали моряков с «Корейца» и «Варяга»*. Тогда пересолили; тогда еще надеялись на русскую мощь и презрительно относились к «япошкам». Теперь все пали духом, и даже геройство Стесселя, действительно бессмертного, не способно возбудить упавший дух.

17-е февраля. Четверг. Сегодня в пять вечера заходила ко мне жена жандармского полковника* Л. А. Иелита-фон-Вольская, удивительно религиозная женщина, на которую с детства имел сильное влияние митрополит Иоанний*, в бытность его еще епископом Саратовским. Она со слезами показала мне прокламацию, в которой между прочим обвиняется ее муж в избиениях учащейся молодежи 7-го февраля. Передавала также, что ходят слухи о предполагаемом со стороны анархистов / убиении ее мужа, губернатора графа Адлерберга и полицмейстера Калайды — за насилия над учащимися во время их демонстрации. Как мог, успокоил я опечаленную женщину. Ввиду настоящего тревожного времени и бывших примеров убийства полицмейстеров и губернаторов, — право, ничего тут нет невозможного. О Господи! Как тяжело! 22 об.

В восемь часов вечера я заезжал к Шильдерам. Тут оказались у него гости: дивизионный генерал с супругою Романенко, вице-губернатор Медем с супругою, жена командира батареи Шифера с тремя детьми, Комарова, Назимова* и много детей, которых учитель учит танцам. Дивизионный говорил, что, по достоверным сведениям, Земского собора не будет и скоро нужно ожидать Манифеста, как указания дальнейшего направления нашей внешней и внутренней политики. У всех настроение — угнетенное. Предрекают ужасы 19-го и 20-го. Действительно, рабочие опять бастуют, предлагая неисполнимые требования председателю Комиссии по рабочему вопросу сенатору Шидловскому не только экономического, но и политического характера*.

18-го февраля, пятница. Сегодня обнародован Высочайший Манифест относительно внешних и внутренних нестроений с призывом к дружному содействию против внешних и внутренних врагов*. Несомненно, он не удовлетворит, не говоря об анархистах, даже так называемую либеральную партию. А тут рабочие, предъявив свои несбыточные требования Шидловскому, последним сроком для ответа назначили сегодня двенадцать дня. Если же они не получают удовлетворения, то угрожают всеобщей забастовкой. Нужно, значит, ожидать важных событий. Есть слухи, что и Псков не останется пассивным в эти дни, особенно в лице той же молодежи, которая избирается орудием в руках бессовестных агитаторов. В семинарии тоже брожение, пока не особенно яркое. О Господи! Пронеси эту тугу¹, а то тяжело чувствуется.

23 *19-е февраля. Суббота.* Судя по газетным сообщениям, во многих городах ожидалось в этот знаменательный день большие беспорядки рабочих, а в некоторых городах, например Москве, протесты интеллигенции и студентов. Оказалось, слухи преувеличены. Но, в общем, волнения не утихают. Рабочим петербургским отказано Комиссией Шидловского в удовлетворении их чрезмерных притязаний относительно восьмичасового рабочего дня, полной свободы печати, личности, так как многие из этих требований — политического характера. Рабочими объявлена всеобщая забастовка, так что заводы Путиловский, Балтийский, Сестрорецкий и многие другие прекратили свою деятельность*. Несомненно, последуют их примеру и провинциальные заводы. А как это тяжело отразится на экономическом положении России?! А на войне? Молодежь не перестает волноваться и даже семинарская. Получены сведения о закрытии Минской семинарии, в которой 14-го февраля происходило нечто невероятно дикое* с разрушением квартир начальствующих, пожаром и т. п. (Газетная вырезка при сем прилагается²), а также Курской, в которой во время панихиды в церкви по великом князе Сергии Александровиче вместо вечной памяти семинаристы крикнули ура.

20-е февраля. Воскресенье. На сегодняшний день перенесен молебен на 19-е число. Служил в соборе. Из властей был только один дивизионный генерал Романенко; даже губернатора не было. Так начался знаменитый день! В четыре вечера, по обыкновению, читал акафист Божией Матери в соборе с общенародным пением, а затем поучал, применительно к евангельскому чтению, о страшном суде*. В семь часов вечера был по приглашению на обеде у губернатора; обедали еще: дивизионный гене-

¹ Печаль, томление (церк.-слав.).

² Газетная вырезка не сохранилась.

рал, Шильдеры, Зубовы — мать и дочь и — Е. Е. Ваганова*. Хозяева были очень радушны. Губернатор несколько нервен. Очень ругал бывшего министра Святополка-Мирского за его «распущенность», то есть что он распустил все. О военных событиях говорили в очень пессимистическом духе, что Куропаткина окружают под Мукденом и ему трудно будет даже отступить. Боятся разгрома русских.

21-е февраля. Понедельник. Посетил больных и раненых воинов, 23 об. прибывших в Псков 18-го февраля и помещенных по десять в два лазарета — епархиальный при Ильинской общине и Красного Креста. Я им раздал крестики, иконки, книжечки религиозно-нравственные. Чрезвычайно были рады. Большинство из них — псковские уроженцы. Тяжелораненых нет; почти все выздоравливающие; некоторые опять выражают желание возвратиться на войну, где «весело, много интересного, кормят и одевают хорошо». О японцах с уважением отзываются, а о китайцах — с презрением. О Куропаткине с благоговением вспоминают. Тот и другой лазареты прекрасно оборудованы. В лазарете Красного Креста встречала меня губернаторша и некоторые из дам-патронесс.

Был у меня сегодня Е. Н. Погожев, пишущий под псевдонимом «Поселянин»*. Он знаком мне еще из Посада, где отец его недавно умер. Пишет он во многих журналах, преимущественно духовных, и пишет чрезвычайно увлекательно, особенно о русских святых. Теперь он призван из запаса и отбывает военную службу в чине прапорщика в Свеаборге*. Рассказывал и о страшно враждебном настроении шведоманов против России, и что намечен целый ряд убийств русских деятелей в Финляндии, начиная с князя Оболенского*. Восхищался культурностию Финляндии. Он прибыл сюда к дню кончины архиепископа Симона (Тодорского)*, а вместе с этим погостить у своего родственника, инспектора семинарии иеромонаха Алексия. Сегодня получил чрезвычайно интересное письмо от секретаря Московской академии Н. Д. Всехсвятского*. Получена телеграмма от преосвященного Евдокима, ректора Московской академии, что он завтра в седьмом часу утра приедет ко мне. Милости просим.

22–24-е февраля. Вторник — четверг. В семь часов утра приехал преосвященный Евдоким, за которым выслал карету и для встречи о. Алексия (Симанского), инспектора семинарии. Встреча была очень радушная. Сейчас начались расспросы, воспоминания. Трудно объяснить все переговоренное нами в эти три дня. Внешний порядок нашей жизни был такой. В двенадцать часов мы вместе поехали / на панихиду 24 в Серафимовскую церковь. Панихиду служил один я при стройном

пении всего хора, а Преосвященный стоял. Затем осматривал летний и зимний соборы. Летний [собор] произвел на Преосвященного сильное впечатление своей высотой и массою света. После обеда ездили на Снятную* по льду. Вечером в семь часов поехали в женское училище, в дамский епархиальный комитет*, где матушки укладывали пасхальные подарки для раненых. Тут пробыли больше часу, затем пошли в залу, где ученицы пропели несколько песнопений, а отсюда — на чай к начальнице, где пробыли до половины десятого.

В среду, 23-го [февраля], был у меня обед, на котором кроме Преосвященного были отцы Алексей и Иувеналий* и Е. Н. Погожев. Обед прошел очень оживленно в беседах об умерших архиереях, преимущественно XVIII века, знатоком чего является Е. Н. Погожев. После обеда поехали опять на Снятную, на обратном пути в Мирожский [монастырь]*; вечер, то есть ночь до трех часов, провели в беседах.

28-го [февраля]¹ Преосвященный обедал, то есть кушал блины в семинарии у исполняющего дела ректора о. Алексия, а я — у предводителя дворянства В. В. Философова*, где были Адлерберги, Шильдеры, Вольские, Медемы, Шретер* и Романенко. В одиннадцать часов вечера Преосвященный уехал со мною на вокзал для следования в Петербург. Прощание было очень трогательное. Я его благословил иконой псковского князя Всеволода-Гавриила. При настоящих тяжких обстоятельствах, быть может, это последняя встреча наша.

Нет возможности систематически изложить беседу нашу. Изложу ее в обрывках. Главным предметом нашей беседы была, конечно, Академия, воспоминание о которой так еще живо у меня. Рассказ его об академической забастовке с внешней стороны вполне сходен с письмом секретаря Академии Н. Д. Всехсвятского, но окраска во многом совершенно иная. О разных бестактностях, допущенных им, он или умалчивал, или передавал в благоприятном для себя виде. О Ключевском, Глаголеве*, которые обрезали его, отзывался пренебрежительно, не упоминая об инцидентах. Академия до сих пор не закрыта, но чтение лекций было только для формы. Я не знаю, как бы я действовал в подобных обстоятельствах; но, во всяком случае, в действиях моих / была бы определенность. По всему видно, что Преосвященный и теперь еще сидит на двух стульях, хочет быть и консерватором, и либералом вместе, не удовлетворяя ни тех, ни других. Подтверждение этого вижу в письме профессора Глаголева*, полученном во время пребывания у меня Преосвященного. Как видно, ни студенты, ни профессора не доверяют ему. Положение его очень тяжелое, но тяжесть его усугубляет он сам. Теперь забастовал и он, и инспектор*. Он едет

¹ Описка; должно быть: 24-го [февраля].

в Петербург, чтобы испросить совета у высших духовных и светских властей о дальнейшем *modus'е vivendi*¹, так как опасается дальнейшей забастовки.

Я ему много резкой правды говорил теперь в глаза с тонким указанием и на мое прежнее положение начальника Академии, когда и я встречал с его стороны немало препятствий для спокойного хода академической жизни. Он сильно ругает своего помощника, инспектора архимандрита Иосифа, который ничем не помогает ему, только служит постоянно где угодно, не спрашиваясь у него; а в этой истории показал себя с очень невыгодной стороны, перебегая от одной партии к другой. Из разговора Преосвященного я понял, что он будет жаловаться на него митрополиту. Единственным «правоверным» Преосвященному остался А. И. Введенский*; но нравственный облик его слишком подозрителен. Удивительна приспособляемость этого многоликого Януса. Помнится, он, захаживая ко мне по пятницам с лекций, ругал на чем свет стоит о. Евдокима за его пошлый либерализм, заигрывания со студентами и тому подобное, а теперь переменял свою шкуру. Впрочем, может быть, и Евдоким несколько изменился, по крайней мере в отношении к нему. Во всяком случае, Преосвященный употребляет Введенского, как это проскальзывало из его разговора, в качестве «доносного орудия» к митрополиту. Может быть, Преосвященный сваливает на него только свою вину. В разговорах на мой вопрос, а знает ли о том или другом Владыка, ректор многозначительно отвечает: «Да, между нами, кажется, Александр Иванович или преосвященный Никон*, наверно, осведомили об этом Владыку. Боюсь, как бы не досталось тому или другому профессору». Интересное сопряжение: преосвященный Евдоким, А. И. Введенский и преосвященный Никон! Достаточно припомнить недавнюю историю с монашеством*. / Да! Так люди меняют свои шкуры в целях шкурных. 25

Положение Преосвященного трудное, нет сомнений. Но, повторяю, эту трудность в значительной мере он сам создал. Теперь он надеется на митрополита, к которому вдруг проникся чуть ли не благоговением; а не он ли поносил его в былое время? Он говорит, что Преосвященный митрополит относится к нему с доверием, посвящает его в своя сокровенная; о митрополите Владимире теперь высокого мнения преосвященный Волынский Антоний*, присутствующий в Синоде. А не тот ли это Антоний, который и при мне года четыре [назад] не мог равнодушно о нем отзываться?! Преосвященный Евдоким, как видно, в самой деятельной переписке с преосвященным Антонием. А не он

¹ Образе жизни, способе существования (*лат.*).